

18+

18+

ЧЁРНЫЙ ЗАЯЦ

УБЕДИТЕЛЬ
НО

ЛЕГКО

Чёрный Заяц

Убедительно и легко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931338

ISBN 9785005156877

Аннотация

Чёрный Заяц – один из самых ярких и запоминающихся представителей российской интернет-поэзии. Насмешливый и жестокий, уморительный и злой, пронзительно правдивый и... невозможно милый. Это поэзия, которую мы действительно заслужили, и кто раскроет нам глаза, если не Чёрный Заяц? Ему простительно, ему можно всё. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Мужчина сверху	9
Не заладилось	9
Филологическое	11
С мишкой	13
Чёрная метка	15
«Напилась – веди себя достойно...»	16
«Цвет моих глаз – настоящий живой коньяк...»	18
«Пусть хмурятся психологи смышлёные...»	19
Болезный Дровосек	21
«Я прилип к тебе так, как будто...»	22
Близняшки	24
«Ты кричала, я молчал...»	26
Злопамятное	27
«Не вязаться лучше с ведьмой...»	29
«Призыв мой не нуждается в ответе...»	31
«В город приходит вечер, небо полно водой...»	33
Ёжики не целуются	34
«У меня на тебя зуб...»	36
«Милая девушка Булкина Таня...»	37
«Когда я сплю – я тих и безобиден...»	38
Богомольное	39

В ус	40
В Раю	42
Маньячное свидание	43
«Закончилась зима, задув свою свечу...»	45
«Напридумала себе горе горькое...»	46
Не попал	47
«Как свирепый мафиозо Ури...»	48
«Всё у меня убедительно и легко...»	49
«Плесните тишины в огонь свечных развалин...»	52
После свистка	54
Прибавление	55
«Наше утро похоже на старый сокалевский квест...»	56
Тараканья Love	58
Капча	60
«Приятный конфетно-букетный период прошли незаметно и споро...»	61
«Мы поделим всю идиллию пополам...»	62
Try again	64
Береги её	66
«Хороший тост «Чтоб не помялась шляпа!..»	68
«Я доминантен нереально...»	70
«Никакого нет обоснования...»	70
Сорокагодовалый	72
Тона	74

«Ты живёшь, себя спасая...»	74
Иванке Трамп	76
«Твои желания прожгли мой чуткий слух...»	77
«Мадам, позвольте Вашу руку...»	79
Возмездие	80
Милахи	82
«На закате глаз и истерики...»	83
Платье в пол	84
«Увековечь меня на барельефе своей стены...»	85
Не подметая	86
Девушка с квадратной головой	87
Фике	88
«Кофе и сыр...»	89
«Говорит Аиду Персефона...»	90
Дефис	93
«Ну и кто тут всему голова, скажи?...»	94
«Всё по возможностям мне и по силам...»	96
Мириться	97
На грабли	98
«Мы разосрались не по-детски...»	100
Поэтесса	102
Расстегай про «женюсь»	104
Булимия	105
Третье сентября	107

«На кухне коромыслом дым...»	109
Para bellum	112
«Как я люблю тобою любоваться...»	113
Апперкот	114
Восстание машин	116
«Мне снился сон...»	117
Камышовый кот	118
Пикачу	120
На спирту	122
«Проснулся, глаз открыл лениво...»	123
«Тебе нужен не я, а талантливый плотник...»	125
Несолоно	126
«Лишний стакан креплёного...»	127
«Мы опять худеем вместе...»	128
«Без весомых причин не ломай себе голову...»	129
Душа обязана...	131
«Слышу с кухни грозный крик...»	132
Маша и шнурок	134
«Птицы твои злы...»	135
Вляпались	137
«Пишет мне девушка Рая...»	140
Кю	141
«Я читаю тебя как книжку...»	143
Самооборона	145

«Вся посуда раскурочена...»	146
Трали-вали	147
Я прошу	149
«Пролилась река из небесных чаш...»	151
«Подсудимых нет и обвиняемых...»	153
Метафорическое	155
Девушка с отсутствующим взглядом	157
Вера не велит	158
Незванные гости	160
Пахнешь	161
«Сколь криво разделился между нами...»	163
«Как рана боевая...»	165
Самое лучшее	167
«Ни прощения нам, ни пощады...»	168
На ты	170
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Убедительно и легко

Чёрный Заяц

Иллюстратор Светлана Шабалина

© Чёрный Заяц, 2020

© Светлана Шабалина, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5687-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мужчина сверху

Не заладилось

Как-то сразу у нас не заладилось, не срослось,
Словно плюнул нам в карму Будда, а может быть кто
другой:

Я плеснул тебе мартовской слякоти на пальто,
Ты лягнула меня под копчик точёной своей ногой.

Я раскрыл тебе тайны про мать твою и семью,
Намекнул на курчавость парнокопытную и очки.
Ты мне вскользь намекнула повисить чуть-чуть ай-кью
Или просто не париться, а искать у ларьков бычки.

И пошло – слово за слово, треснул слегка рукав,
Стал малиновым от пощёчин небритый мой интерфейс,
Появились архангелы с лычками... Тот, кто прав,
Справедливость докажет под протокол и уже не здесь.

Мы бежали от них, как кенийцы от стаи львов,
Отдышались едва и в кафешке взяли двойной обед,
А затем – слово за слово, танцы, любовь-морковь...
Так живём – и заладилось, и срослось – в браке
десять лет.

Филологическое

Есть в каждом союзе бонусы,
Приятные дополнения,
К любовному увлечению
Хороший такой довес.
Андрей, например, для тонуса
Женился на фитнес-тренере,
И силой такого трения
Животик сменил на пресс.

А Саша – ботаник худенький,
Супругу нашёл в полиции,
И Сашу теперь боится вся
Отверженная шпана.
Виталик влюбился в пудинги
Из маленькой ресторации,
Теперь для него старается
Шеф-повар – его жена.

Сергей подцепил нарколога,
За справки и медкомиссии,
Хотя он твердит, что искренне,
Но мне этот цирк знаком.
А я полюбил филолога,
О том говорю торжественно,
За то, что она божественно

Орудует языком.

С мишкой

Если вдруг кому не видно —
Я мужчина в цвете лет,
Но от взглядов любопытных
Прячу маленький секрет.

Я серьёзен, даже слишком,
Я для всех авторитет,
Но вот сплю я ночью с мишкой,
Так сложилось с детских лет.

В этом нет ни грамма шутки,
Тайна выцветших кулис:
Дрыхнуть с плюшевым мишуткой —
Небольшой мужской каприз.

Я могуч, мне всё подвластно!
Ну а мишка... Боже мой,
Он на самом деле классный,
Он, практически, родной.

Я любому острослову
Нахуючу по лицу,
Если скажет, что не клёво
Спать с игрушкой молодцу.

Правда, есть одна поблажка,
Для особых, так сказать:
Если сплю сегодня с Машкой —
Мишку прячу под кровать.

Чёрная метка

Ты предъявила мне «чёрную метку»,
Что за нелепица, что за пассаж?
Кто тебе брякнул, что нашу соседку
Взял я недавно на абордаж?

Мы лишь немножко коснулись бортами,
Узкая лестница, старенький дом...
Даже форштевень не встал между нами,
Ловко прикрытый пивным животом.

Как ты подумать могла, дорогая,
В то, что сменю я семейный уют,
На восхитительный, не отрицаю,
Спрятанный в джинсы её полуют.

Я её даже не трогал за шканцы,
Что говорить про другие дела?
Так что свои людоедские танцы
Вовсе без повода ты развела.

Лучше не будем на старые грабли,
Хватить мусолить известный закон.
Ты – мой единственный в мире кораблик,
Мой золотой галеон.

«Напилась – веди себя достойно...»

Напилась – веди себя достойно:
Не скандаль, не матерись, не ной.
Тушку мою пьяную спокойно
Брось в такси и отвези домой.

Постели мне плед поверх матраца,
Тазик для излишеств приготовь,
Ведь должна же как-то выражаться
Наша беззаветная любовь.

«Всё для мужа» – лучше нет девиза,
Я б кивнул, да только не суметь.
Остуди бутылочку «Архыза»,
Чтобы труп мой утром не узреть.

Приготовь бульончик из Пеструшки,
Форточку для свежести открой,
Пудобней подложи подушку...
В общем, поухаживай за мной.

Знаю, что в тебе не шевельнётся
Гадкий червячок обиды злой,
Ведь добро не раз к тебе вернётся
Нежной и заботливой рукой.

В бурю твоего корпоратива,
В день любой и хоть в каком часу,
Я ворвусь – высокий и красивый,
И тебя немедленно спасу.

Увезу, укутавши в заботу,
В царство доброты и тишины...
Лишь девиз изменится всего-то:
«Как для мужа – так и для жены!»

«Цвет моих глаз – настоящий живой коньяк...»

Цвет моих глаз – настоящий живой коньяк,
Медные искры, волшебная карамель,
Брошенный в омут камень, запретный знак,
Шёлковый стыд девяти с небольшим недель.

Медленно тонешь, и вряд ли тебе спастись,
Этим последним секундам неведом страх,
Ведома жажда. Отдайся и подчинись
Бархатному послевкусию на губах.

Дикая кола – на дне твоих чёрных глаз,
И пузырьки, словно ключ от любых оков:
Накипь и ржавчину можно сводить на раз,
Можно топить колорадских смешных жуков,

Можно с одежды любое свести пятно,
Переливай, осторожно и не спеша.
Кола, конечно, отменная гадость, но...
Но с коньяком она дьявольски хороша.

«Пусть хмурятся психологи смышлёные...»

Пусть хмурятся психологи смышлёные,
И верещат от ужаса подружки,
Что плохо, если верные влюблённые
Спят, повернувшись жопами друг к дружке.

Ведь это верный знак, о боже-божечки,
Что чувства угасают между вами,
Раз не в обнимку, и не в позе «ложечки»,
И даже не переплеться ногами.

Не пряча лица в спутанные волосы,
Не отлежав протянутую руку...
Идут по вашей жизни злые полосы,
Несут печаль, скандалы и разлуку.

Но я плевал на эти измышления,
Мне до того легко и сладко спится,
Когда ловлю тепло прикосновения
К твоим таким любимым ягодицам.

Одновременно радует и дразнится,
И отгоняет страхи и напасти
Родной души пленительная задница,

Прижатая к моей филейной части.

И очень романтично получается,
Когда волной постельного блютуза,
Ко мне прекрасной попой прикасается
Уснувшая любовница и Муза.

Болезный Дровосек

Я Дровосек, железный и печальный,
Печальнее людей не видел мир:
Великий Гудвин силой inferнальной
Мне намагнитил половой шарнир.

И секс теперь, как пятилистный клевер,
Ужасно редкий, единичный вид,
Ведь мой шарнир всегда встаёт на Север,
А в остальные стороны – висит.

И мне до слёз до смазочных обидно,
Что от колдунства стал я одинок,
Ведь милая прекрасная Бастинда
Ебётся только глядя на Восток.

Ужасная, ужасная проблема,
Никак мне быть счастливым не даёт,
Ведь стройная, прекрасная Гингема
Полярности совсем не признаёт.

И чтоб в веках не прозвенеть дровичкой,
И похоть ненасытную унять,
Приходится опять ебать Страшилу —
Ему, паскуде, пофиг, как стоять.

«Я прилип к тебе так, как будто...»

Я прилип к тебе так, как будто
В мою душу налили клей.
По утрам я дарил незабудки,
Вечерами таскал портвейн.

Чтобы чувства не впали в кому
И не кончился разговор,
Мы кончали запасы рома
И глушили святой кагор.

Нашей страсти нужна подпитка,
Не наскучить друг другу – цель.
Покупал я ликёр со скидкой,
А по праздничным дням – «Мартель».

Уходила ты по-английски,
Незаметно, как лёгкий сон,
Только мы допивали виски
И к концу походил бурбон.

Как бутылки у нас пустели,
Так, без счёта, летели дни.
А в итоге тепло постели
Променяли мы на режим.

Как в палатах больничных грустно,
Через стену не видно слёз.
На двоих у нас дом и чувства,
Но у каждого свой цирроз.

Близняшки

Вот бы было весело и няшно,
Лёгкое амурное кино,
Если б двоеженство на близняшках
Стало вдруг у нас разрешено.

И не нужно становиться букой,
Про мораль воинственно кричать,
Ведь давно доказано наукой,
Что нельзя близняшек различать.

И вообще, представьте на минуту,
Как две пары сумасшедших глаз
Радостным воскресным тёплым утром
Тая от любви глядят на вас.

Как семейным камерным дуэтом,
В тоненьких носочках шерстяных,
Жарят с треском пышные омлеты
И готовят кофе на троих.

Ты глядишь с молчанием английским
И растущим жжением в душе,
Как четыре идентичных сиськи
По квартире ходят в неглиже.

В этих планах, словно в щёлке узкой,
Выгода огромная видна:
Даже тёща, данная в нагрузку,
На близняшек только лишь одна.

«Ты кричала, я молчал...»

Ты кричала, я молчал,
Экономил силы.
Монологом шёл скандал,
Медленно и мило.

Чашку ёбнула об пол,
Вазу на три литра...
Я же худшее из зол,
Что к тебе прилипло!

Прицепилось и впилось,
Заползло на шею...
Возбудить такую злость —
Это я умею.

Извела немало сил
И слегка устала.
Я чайку тебе налил,
Выдал одеяло.

Извинился, похвалил
Внутренность и внешность...
Если злобу возбудил —
Возбужу и нежность.

Злопамятное

Чуйку похерив природную,
Цепкий инстинкт придушив,
Грею тебя, подколодную,
Около самой души.

Грею, лелею и пестую,
Всё выношу, словно тать:
Даже чуму пэмээсную
И лексикон через «мать».

Все выношу подковырочки,
Острые шпильки терплю.
Полнятся свинки-копилочки,
Рублик ложится к рублю.

В ряд наживляются гвоздики,
Зреет в садах виноград,
Шарики катят навозники,
Утяжеляя заряд.

Кликай беду неминучую,
Гирьки грузи на весы,
Выпадет времечко случаю
Белой моей полосы.

Всё будет страшно и взешенно —
Точно рассчитанный ад.
Я терпеливый, конечно, но
Жутко злопамятный гад.

«Не вязаться лучше с ведьмой...»

Не вязаться лучше с ведьмой
В эротических делах,
Тут за поступью победной
Притаиться может крах.

У неё раз в месяц шабаш,
Вечеринки для друзей,
Но попробуй раз хотя бы
Изменить, любимой ей.

Тут такие вступят силы
Ненаучных плоскостей,
Что тебя, изменщик милый,
Превратят в мешок костей.

Разных страшных заклинаний
На земле не перечеть,
Для устройства наказаний
За поруганную честь.

Так вот, парни дорогие,
Нефиг брать с меня пример:
Я пишу из хирургии,
Пострадав за адюльтер.

А врачиха, злая бабка,
Тихо ржёт: «Мужик, не ссы!»
Ведь горит на воре шапка,
На изменнике – трусы...

«Призыв мой не нуждается в ответе...»

Призыв мой не нуждается в ответе:
Откинув одеяния стыда,
Давай, родная, трахаться при свете,
Отныне и навеки, и всегда!

Ведь это замечательно и просто —
Творить и лицезреть любви обряд,
Покуда нам с тобой не девяносто,
И даже нифига не шестьдесят.

Покуда всё красиво и упруго,
Покуда набухает и торчит,
Затей интимных ясная заслуга —
Пленительный и чуть уставший вид.

Нет для меня прекраснее картинки,
Чем тела твоего прелестный срам,
Все трещинки твои и все ложбинки,
Доступные ладоням и губам.

И пусть нам помогают наслаждаться
Стоваттных ламп стеклянные глаза.
Давай при свете, милая, ебаться!

Записано: единоголасно – за!

«В город приходит вечер, небо полно водой...»

В город приходит вечер, небо полно водой.
Он, ожидая встречи, едет к себе домой.
Едет в пустом трамвае, прячась в обрывки сна,
Едет и точно знает – скоро войдёт она.

Всё это так неловко: вечно пустой салон,
Пятая остановка и одинокий он.
Входит она и тесно стало в его груди,
Он уступает место и говорит: «Садись».

Вроде она и рада, только поди узнай,
Быстро окинет взглядом этот пустой трамвай:
– Разве пустых мест мало, это же так смешно.
Он улыбнётся: «Да, но тёплое лишь одно».

В городе дождь и вечер не упустил права,
Стало немного легче, стало теплей едва.
Скоро зима настанет, будет расклад иной:
Двое в пустом трамвае едут к себе домой.

Ёжики не целуются

Ёжики не целуются —
Им обнимашек хватает,
Нежно касаясь ладошками
В ухо друг другу сопят.
А почему не целуются —
В мире никто не узнает,
Тайны свои сокровенные
Есть у колючих ребят.

Как размножаются ёжики —
Тема избитая, древняя.
Сколько её не касаются —
Вечно выходит конфуз.
Можете спорить на грошки —
Так уж природой затеяно, —
Встроен в колючие яйца
Хитрый ежиный блютуз.

Все академики, бедные,
Темы заветной заложники,
На семинарах волнуются,
Спорят – ну просто беда.
Может когда и разведают,
Как размножаются ёжики,
А почему не целуются —

Нам не узнать никогда...

«У меня на тебя зуб...»

У меня на тебя зуб,
У тебя на меня – два.
Я немного безмозгл и глуп,
Ну а ты так просто тупа.

Сколько женских красивых поп,
Стройных ножек – ты посмотри.
Ну реально же – долбоёб,
Раз гляжу только на твои.

Ну реально же – имбецил,
Раз глаза от них отвожу,
Раз для них я себя закрыл
И одною тобой дышу.

Да и ты, по своим словам,
В той же стадии, мне подстать:
Не гуляешь по мужикам.
Ебанутая, что сказать.

«Милая девушка Булкина Таня...»

Милая девушка Булкина Таня
Черпает силы в детском питании.
Утром, на завтрак, без шума и спешки,
Таня съедает две банки пюрешки.

Днём, когда время приходит покушать, —
Каша с морковкой, бананом и грушей.
После – водичка без соли и шлаков,
Танин обед плотен и одинаков.

Танин законный супруг Василий
В пиве фильтрованном черпает силы,
В вяленой рыбе и жирной картошке,
Ну и в сухариках тоже, немножко.

Ночью, в постели – двуспальной, широкой, —
Сходятся силы в битве жестокой.
В скрипе пружин и шуршанье матраса —
Киви и рыба, тыква и мясо.

Утро в семье будет милым и томным,
Щурится солнце в окошке огромном.
Главное – силы не тратить зазря,
Где б вы их ни находили, друзья.

«Когда я сплю – я тих и безобиден...»

Когда я сплю – я тих и безобиден,
И даже мил.
Характер гадкий мой почти не виден,
Умерен пыл.

Не ищут цель зазубренные стрелы
Холодных слов,
Обильный яд хранит свои пределы
Меж берегов.

Хранят покой скандалы и раздоры,
Молчит раздрай.
Висит замок на ящичке Пандоры,
Не открывай.

Настанет день и хрупкий лёд растает
В пожаре ссор,
Нам в этом мире мира не хватает —
Сплошной террор.

Твоим рукам был Господом доверен
Тот сладкий сон.
Ведь ты же знаешь, как я охуенен,
Когда влюблён.

Богомольное

Ты по пятам за мной ходила
И флиртowała, как могла,
но я – кремень, но я – могила
На сексуальные дела.

Я словно камень бездыханный —
Несокрушим, неумолим
И, как солдатик оловянный,
В постель твою неужожим.

Но час настал, судьба пробила
В висок, укывшись во хмелю,
И ты коварно заманила
В постельку девичью свою.

И после страстных обниманий,
Сквозь поцелуевый экстаз,
Ты незаметно скрылась в ванной,
Шепнув: «Любимый, я сейчас...»

Но знаю я все эти штуки,
Твой страшный план, увы, не нов:
Мне всё поведал по науке
Однажды Николай Дроздов.

Я видел в телепередаче,
Как после секса мужику
(ну, для веселья, не иначе)
Отгрызла женщина башку.

А после – мыслимое дело —
Творить такое с женихом? —
Она его, представьте, съела,
Причём, почти что, целиком.

И грустно говорил зоолог,
Со всей учёностью своей,
Что всё у них, у богомоллов,
Почти что как и у людей...

Вот потому, схватив под мышку
Штаны, рубашку и планшет,
Я от тебя сбежал вприпрыжку,
Не дожидаясь страшных бед.

И хуй меня заманишь снова
В объятия жуткие свои,
Я верю дяденьке Дроздову
В вопросах секса и любви.

В ус

Твою ж тудыть, в железную качель...
Смотри, Марфуша, солнышко какое!
Скидай зипун, итак в нём весь апрель
Лечила поясничные расстрои.

Из сундука вытаскивай жакет,
В стеклярусовых радостных расшивах,
Перо воткни в сиреневый берет,
И ты юна, желанна и красива.

Я нацеплю свой кожаный картуз
И перестану пахнуть перегаром...
Целуй меня, родная! Целься в ус!
Мы просто охренительная пара!

В Раю

Мы жизнь профукали свою,
С другими обручённые,
Но верю в то, что говорю:
Однажды встретимся в Раю,
Как бывшие влюблённые.

Там, на кисельных берегах,
Валяться будем голыми,
Бродить в левковых кустах,
Отправить все тревоги в прах,
Земной «огонь да полымя».

Мы будем пить инжирный фреш,
И сплетничать про всякое,
А райский воздух – чист и свеж, —
Излечит нас от всех надежд
На пятое-десятое.

Слов будет виться мишура,
Как в сказку новогоднюю,
Мы проболтаем до утра...
Пей свой нектар, а мне пора
Вернуться в Преисподнюю.

Маньячное свидание

Надену маску, нож возьму
И на свидание пойду.
И к стеночке прижму тебя,
Ножом любовно теребя.

А ты в ответ изящно мне
Удавку стянешь на спине,
И шилом пощекочешь глаз,
Вводя меня в экстаз.

Гитары тонкий перебор
Бензопилы споеет мотор,
И выпьем на двоих вина,
Где яда дохрена.

А после этого тебя
Я изнасилую любя,
А ты изрежешь мне лицо
Отравленным кольцом.

Затем в глухом лесу ночном
Кота торжественно сожжём,
И будем танцевать с тобой
Под полную луной.

И странного тут вовсе нет,
Сложившийся за много лет
Сюжет свидания таков
У нас – у маньякОв.

«Закончилась зима, задув свою свечу...»

Закончилась зима, задув свою свечу,
Оставив лёд в душе моей навеки.
А я тебя люблю сильнее, чем алычу,
Чем чебуреки.

Осталось на губах фальшивое вино,
Вода с молебным запахом иллюзий.
А я тебя люблю, назло любому «но»,
Сильней, чем смузи.

Задохся метроном, закончился отсчёт,
На паузе дыхание и мысли.
А я тебя люблю сильнее, чем бутерброд
С оливкой кислой.

Останется одно – писать свои стишки,
В печали об ушедшем человеке.
Ведь я тебя люблю... Не так, как пирожки...
Прощай навеки.

«Напридумала себе горе горькое...»

Напридумала себе горе горькое,
Наврала с три короба, наплела:
Дескать, попа недостаточно тонкая,
А на личико излишне бела.

Дескать, слишком уж характером твёрдая,
И не каждому твой нрав по зубам.
Только никогда понятие «гордая»
Не являлось недостатком для дам.

Дескать, что-то недостаточно умная,
И забита ерундой голова.
Ты скажи, ну как бы это придумала,
Если б умною такой не была?

А покуда этот мир с тобой мучится,
Запиши себе в тетрадь, на поля:
Ты прекрасна, у тебя всё получится,
В этом мире кто-то любит тебя.

Не попал

Явился муж домой немного раньше
И сразу заподозрил нелады:
Супруга улыбалась с ноткой фальши,
Зато в глазах предчувствие беды.

На кухне под столом бутылка «Чивас»,
На тумбочке потрёпанный тюльпан,
И ходит кот испуганным курсивом,
И тёплый подозрительно диван.

Метнулся муж к большому шифоньеру,
Предчувствуя работу кулаков,
А там, слегка прикрыв рукой размеры,
Стоял раздетый Саша Кержаков.

От облегченья муж едва не плачет:
– Напрасно я, жена, переживал!
Ведь это Кержаков, а это значит,
Что он в тебя ни разу не попал!

«Как свирепый мафиозо Ури...»

Как свирепый мафиозо Ури,
В заграничном треске модных брюк,
Отыщу я на твоей фигуре
Маленькую кнопку «Откл. звук».

Нет скромней заслуженной награды:
В тишине, спустившейся на дом,
Я услышу, как звенят цикады
В анемонах за моим окном.

Я услышу, что бывает редко,
Как летит по небу самолёт,
Как взхлёб ругается соседка
И ведром по батарее бьёт.

Как асфальт дорожники трамбуют,
Как выводят трели соловьи...
Звуковой набор неописуем
Без твоей извечной болтовни.

Зазвучит планета звонкой песней,
Заискрится радостный хорей,
Станет мир ужасно интересней,
Но зато немислимо скучней.

«Всё у меня убедительно и легко...»

Всё у меня убедительно и легко:
Я не люблю кофе и молоко,
Тёмное пиво, пуделей и медуз,
Ваенгу, Лепса, Высоцкого,
Сатерн-блюз,
Белых котов, ноябрь,
Сигаретный дым,
Летние туфли,
Дрыхнуть по выходным,
Медленный шаг,
Взлетающих воробьёв,
Отзывы на странице моих стихов,
Музыку из динамиков на столбе,
Бродского, Блока, Бунина,
Букву «Б»,
Apple во всех ипостасях,
Сливовый джем,
Нашу соседку Настю (тупа совсем),
Сало копчёное, мыльные пузыри,
Ветки сирени, трамваи, монастыри,
Сонники, гороскопы, тирамису,
Рваные джинсы, жирную колбасу,
Маковый коржик, клубнику,
Имперский стяг...

Можно ещё продолжить,
Но я иссяк.

Все эти странности – сушая ерунда,
Если отбросить то, что они всегда
Рядом со мной, под ручку идут, бубня...

Всё это любишь ты.
Я люблю тебя.

«Плесните тишины в огонь свечных развалин...»

Плесните тишины в огонь свечных развалин,
В хрустальный лабиринт игристого вина.
Пусть пение любви доносится из спален
Чуть сластнее, чем с банкетного стола.

Но именно за ним знакомимся мы ближе,
Влюбляясь в тонкий флирт и радость общих тем.
И как скользит твой взгляд, и опадает ниже,
И плавится, как сыр, что я сегодня ем.

И с каждым словом быть чуть меньше посторонним,
Как будто по слогам читать свою судьбу.
Смотреть как ты жуёшь кусочки «Пепперони»,
И ощущать любовь, как жжение в зобу.

И, закусив слегка поллитра «Оболони»,
Я прикинул к тебе, как к берегу река,
И жадно целовал пугливые ладони,
Размазывая в них остатки балыка.

Но расставлять над «і» забывчивые точки,
Пускать на самотёк обыденную чушь
Сложней, чем из глубин вязкой оболочки

Освобождать круги колбасных тёплых душ.

Веление сердец и мимолётность цели,
И ревность, и тоска, и растворимый гнев, —
Всё исчезает вдруг в объятиях постели,
Где сладко мы заснём, немного переев...

После свистка

Ты по квартире вечером
Гуляешь в неглиже,
А у меня с «Манчестером»
Играет «ПСЖ».

Ты выбросила трусики
И тянешь на диван,
А у меня «Боруссия»,
А у меня «Милан».

Твои бы полушария
Я все зацеловал,
Но у меня «Бавария»,
Но у меня «Реал».

Ты требуешь конкретики —
Чего я отказал?
Да у меня с «Атлетико»
Играет «Арсенал»!

К тебе вернусь я с росчерком
Финального свистка,
А ты уже за Костиком...
Замужняя слегка.

Прибавление

У нас в семье событие печальное,
И не с чего тут быть навеселе:
На Юге отдыхали так отчаянно,
Что вышло прибавление в семье.

Всплеснёте вы руками в изумлении,
И гневным словом изогнётся рот:
Ну, как быть может горем прибавление?
Всё правильно, всё верно, только вот...

Не буду вам расписывать детали я,
В чём наш союз семейный преуспел:
Кило на на шесть ты раздобрела в талии,
А я на десять пузико наел.

И, чтобы не страдать душевной смутою,
Устроим юбилейчик небольшой:
Тебя я лентой розовой укутаю,
А ты меня обяжешь голубой.

И, плюнув на общественное мнение,
Застольем увенчаем наш союз —
Раздавим пузырьёк за прибавление,
Всё хорошо, когда со знаком плюс!

«Наше утро похоже на старый сокалевский квест...»

Наше утро похоже на старый сокалевский квест:
Потянулся спросонок и через жену перелез,
Отыскал по приметам вьетнамки,

От кота увернулся, просящего жрать поутру,
В туалете попал, не разбрызгав, в фарфоровый круг,
И почистил зубные останки;

Отыскал зажигалку (привет от кота-подлеца)
И отправил на адское пламя четыре яйца,
Разбудил кофеварку,

Хитроумным пасьянсом приставил к логину пароль,
Почитал Интернет – про чужую безликую боль
И предательство Старка.

А потом – утепился и вышел, закрыл и завёл,
Соблюдая доехал, пост принял – станок или стол,
Под натуру вторую.

И, скорбя о субботе, почти разбудил интерес,
Потянулся и выдохнул. Старый сокалевский квест
Перешёл в ролевую.

Тараканья Love

Он был добрым тараканом,
Он её любил.
Из невымытых стаканов
Ей вино носил.
Звал её в бульон купаться,
Из куриных жоп.
В пудре сахарной валяться
И курить укроп.
Он кусал ей сыр овечий,
Молоком поил,
Ну совсем по-человечьи,
Он её любил.

И однажды тёмной ночью
Треснула стена,
И ему на вкусной почке
Отдалась она.
И сплелись усы в объятьях,
И хитин дрожал,
И её скучало платье
На конце ножа.
И сквозь грязные стаканы
Видела Луна,
Как ебутся тараканы
Посреди стола.

Капча

В панике я и в ужасе,
Узкий стянув «Ливайс»:
Вдруг на тебе обнаружился
Гадкий один девайс.

Чтобы забраться в трусики,
Милую приласкать,
С буковками нерусскими
Надобно совладать.

Вроде бы всё тут просто, но
Путаются слова:
Чтобы ввести по-взрослому,
Капчу введи сперва.

Шрифт разбирал нахмуренно,
К трусикам наклонясь,
Так надышал на Тьюринга,
Что запотела бязь.

Мучайтесь, типа, мальчики,
Только вот, хер-то вам:
Хакну твои кружавчики,
Тупо напополам!

«Приятный конфетно-букетный период прошли незаметно и споро...»

Приятный конфетно-букетный период прошли незаметно и споро,
Без громких прожектов о будущем трио и робких начальных укоров.
Топтаться на месте – не наша метода, и мы, горделиво и зряче,
Не видя беды и не ведая брода, нырнули в ликерно-коньячный.

Зелёного змия схватили за шкурку и сразу прищучили гада,
Чтоб смазывал наши привычки-притирки игристым целительным ядом.
Казалось нелепым и даже излишним стеснение в мире нетрезвом,
И мы в сюси-пусечный и мимимишный бесстрашно свалились отрезок.

А после, по старым накатанным рельсам отцовских и дедовских линий,
Ломая мечты и топча эдельвейсы двух связанных крепко фамилий,
Покажутся брачный, бюджетный, дошкольный,

семейный, жилищный, скандальный,
Раздельный, ремонтный, кредитный, спокойный,
взрослеющий и коммунальный.

А там пенсионный, неспешно и грозно, подъедет
в скрипящей коляске...

Запомните, люди, покуда не поздно, покуда не кончились
пляски:

На разных этапах – на крупных и мелких, на важных
и самых пустячных,

Храните немного конфетно-букетных... и много
ликёрно-коньячных.

«Мы поделим всю идиллию пополам...»

Мы поделим всю идиллию пополам,
Чтоб сложился романтический паритет:
Я согласен не будить тебя по утрам,
Чтоб с кофейным ароматом встречать рассвет.

Просыпаться и, твоих не тревожа снов,
Отключать будильник бешеный, пусть молчит.
Нашу буднично-изнеженную любовь
Скоро кофе горько-приторный укрепит.

Эта милая семейная канитель
Будет равной, что в ответ ты ни говори:

Я принёс кофейных зёрен в твою постель,
А теперь сходи, любимая, и свари.

Try again

Оторвись чуть-чуть от дела,
Милый программист:
Я давно уже поела,
Твой же сервер чист.

Я зову тебя обедать —
Ты погряз в Сети.
Не дожидаться мне ответа
Через FTP.

Я рисую на салфетке
Код HTML,
Чтобы ты, мой сокол редкий,
Поскорей поел.

Брось салфетку на колени,
Посмотри сюда.
Не пингуй свои пельмени,
Это не еда.

Перерыв совсем не страшен,
Не спеши, доешь.
Посмотри, в тарелке с кашей
Не дочищен кэш.

И стучи потом в свой бубен,
Для тебя весь день
Сервер с пивом недоступен:
Later, try again.

Береги её

Береги её, как не берёт никто,
Пусть не знает она, что такое быт:
Кофе делай с утра, подавай пальто,
Огради от кастрюль, от лентяйки и от корыт,
Что стирают, ты знай лишь – кидай бельё.
Вроде мелочь, а всё же унылый труд.
И от этого ты огради её,
Сбереги от забот, мужики поймут.

Вымой пол – так как надо, свари обед,
Мусор вынеси, сам сходи в магазин,
Сам заштопай носки, заплати за свет,
И очисти оранжевый апельсин.
Ты создай для неё персональный Рай,
Сладкий мёд, крепкий чай, золотой бальзам...
Даже к сексу любимую не склоняй —
Дверь прикрой и по-тихому сделай сам.

Сохрани ей здоровье и ровный пульс,
Пусть до старости будет она сильна.
А к полтиннику кончится твой ресурс
И останется рядом одна она.
И когда будешь сморщенный и седой,
Будешь лёгими кашлять и ссать в постель —
Вот тогда набеётся она с тобой,

За все годы, что ты сэкономил ей.

«Хороший тост «Чтоб не помялась шляпа!..»

Марине Левандович

Хороший тост «Чтоб не помялась шляпа!»
Идёт в набор к тефтелям и борщу.
Когда ты в тёплых и пушистых «лапах»
Колдуешь у плиты, я не ищу
Возможностей для глупых оправданий
Не отработать выданный аванс:
В постели, на полу и даже в ванной,
Какой бы там счёту ни был раз,
Как ни устал бы после трудной смены
И как бы ни болела голова,
Я буду иступлённо, вдохновенно
Вершить свои мужицкие дела.
Корми меня и требуй адекватата,
Накладывай солидный гонорар,
Двойная доза мяса и салата —
Твой превентивный ядерный удар.
Аунутся сто грамм и столь же сверху,
Воздастся за подливу и гарнир,
И всё пройдёт суровую проверку,
О чём недоговаривал Шекспир.
И пусть весь мир проблемами загружен,

Усталостью и чем-нибудь ещё,
Мужик придёт и съест твой тёплый ужин.
И выпьет чай.
И будет хорошо.

«Я доминантен нереально...»

Я доминантен нереально,
И поз таких не признаю,
Где над тобою я брутально
И жёстко сверху не царю.

Ты не оспоришь чувство это,
Тебе не справиться со мной,
Ведь я всегда страдаю летом
Сожжённой солнышком спиной.

Зато зимой хожу с соплями,
Но без заботы о спине,
И мы меняемся ролями:
Я снизу, ты верхом на мне.

«Никакого нет обоснования...»

Никакого нет обоснования
Новизны семейных склочных тем:
Я тебя оставил без внимания,
Ты меня оставила совсем.

Новые разучиваем роли,
Но финала не переписать:
Ты найдёшь внимательного более,
Мне тебя уже не отыскать.

Сорокагодовалый

Ты жила, о печалях не зная,
Но раёк потемнел в один миг:
У тебя вдруг завёлся, родная,
Сорокагодовалый мужик.

Основательный, крепкий, таёжный,
Сам себе и захватчик и страж,
Как для шпаги уютные ножны,
Как для «Фабии» новый гараж.

На каком он родился морозе
В новогоднем волшебном лесу?
Он храпит как весёлый бульдозер
И безжалостно жрёт колбасу.

Он не мажет бальзамом кудряшки
И не ищет по моде штанцы,
Но зато ловко чистит фисташки
И, не ловко, но сводит концы.

Не гламурный Ромео в лосинах,
Не наследник золотого дворца.
Просто взрослый суровый мужчина,
Что немного похож на отца.

Не герой, не пророк, не мессия,
Но открылась внезапная суть:
У тебя на других аллергия,
А его бы обнять и заснуть.

И теплее покажутся зимы,
И не выпустит счастье из рук
Твой единственный, лучший, любимый
Дважды двадцатилетний супруг.

Тона

На мужика орать – резон
Ничуть не эффективный.
Смени-ка свой военный тон
На более интимный.

Кричать и требовать – легко,
Но уточним детали:
Битьём коровы молоко
Получишь ты едва ли.

Давай условим с этих пор,
Что будем между нами
Решать любой возникший спор
Постельными тонами.

«Ты живёшь, себя спасая...»

Ты живёшь, себя спасая
Мантрой, вытертой до дна:
– Не ругайся, дорогая,
Выпей красного вина.

Как ботинок на резине
Ты смягчаешь жизни ход:
– Дорогая, вот мартини,
Я исправлюсь, всё пройдёт.

У меня характер кроткий,
Но тернистые пути:
– Дорогая, ёбни водки,
Успокойся и поспи!

Иванке Трамп

Встану утром спозаранку,
Солнца радуясь лучу,
На красавицу Иванку,
Улыбаясь, подрочу.

Очень нравится, признаться,
Очень девка по душе,
Пусть давно не восемнадцать
Ей по паспорту уже.

Как одета, как обута,
Преисполнена манер.
Правда, папа ебанутый,
Но зато миллиардер.

Дипломат во мне хороший,
Окажу почёт и честь:
Был бы сахар, были б дрожжи,
Сговорятся зять и тесть.

А потом с тобой поедем
В неебическую даль —
В гости к лосям и медведям,
На гитарный фестиваль.

Ручеёк, палатка, барды,
Комары да самогон...
Ни к чему нам миллиарды,
Проживём на миллион.

Как тебе судьба такая?
Единение сердец?
Выбирай скорей, родная,
Ждать не будет молодец.

Вот пельмени, вот сметанка,
Расцветаю с каждым днём.
Приезжай ко мне, Иванка,
Поебёмся и пожрём.

«Твои желания прожгли мой чуткий слух...»

Твои желания прожгли мой чуткий слух,
Сезонными укрылись полюсами.
Припомни поговорку, милый друг,
В которой про телегу и про сани.

И не дави мне на уши, не ной,
Не дожидайся попусту ответа:
Просить бикини следует зимой,

А шубу, несомненно, ближе к лету.

И пусть она полгода подождёт,
Как графоманы ждут всемирной славы,
А там и мода новая придёт,
И новые насыщенные предьявы.

А мы по старой схеме провернём
Мечты твои, пусть подождут немножко...
Ну а сейчас, любимая, пойдём
Тебе на лето купим босоножки.

«Мадам, позвольте Вашу руку...»

Мадам, позвольте Вашу руку
Я поцелую в благодарность.
Вы в сексе редкостная сука,
А я унылая бездарность.

Дотоле мне, простому Васе,
Дитю совковых отношений,
Известно было о матрасе,
Как основании для трений.

Известно о любви в подъезде,
На сеновале – чё, бывало...
И слышал – можно в людном месте,
Но как-то вот не проканалю.

Чуть-чуть известно о минете,
Почти что всё о позе «раком»...
Но вот я Вас случайно встретил
Под лучшим в мире Зодиакном.

И я узнал, что можно в ванне,
И в коридоре можно тоже,
И на балконе, утром ранним,
Над головами у прохожих.

В такси и лифтовой кабине,
В театре и концертном зале,
И в туалете в магазине,
И за колонной на вокзале.

И на мосту, и под салютом,
В гостях и в парке на скамейке,
И в вестибюле института,
И в гараже на телогрейке.

В сырой траве, на грядке с луком,
И в бане, плюнув на вульгарность...
Мадам, позвольте Вашу руку
Я поцелую в благодарность.

Возмездие

То ли ворон нам накаркал,
То ли Мойры сглазили:
В школе я с тобой сидел рядышком за партой,
И творил, по мере сил, кучу безобразий.

За косички часто дёргал,
Рисовал в тетради,
На портфеле на твоём я катался с горки,
Даже юбку задираю, подобравшись сзади.

Ты терпела, ты молчала,
Ты была не плакса,
Ты возмездие своё точно рассчитала:
Мы вошли под ручку в дверь маленького ЗАГСа.

Всё сложилось в жизни личной,
Складно получается:
Если раньше я тебя дёргал за косички,
То сегодня ты меня дёргаешь за яйца.

Милахи

Макияж домохозяйки
И передник в красный цвет.
Мы с тобой такие зайки,
Если делаем обед.

Чудо-тапочки с ушами,
Мягкий плюшевый халат.
Я воюю с овощами,
Побеждая их в салат.

Ты, как истинный романтик,
Рубишь яйца на куски.
У тебя на попе бантик
И цветастые носки.

Дремлет фрак в «купешке» тесной,
Платье убрано в запас.
Мы уютны и прелестны
Вдалеке от лишних глаз.

«На закате глаз и истерики...»

На закате глаз и истерики
С головой простились вчера.
Новые семейные серии
Могут подождать до утра.

Могут подождать слёзы горькие,
Могут и упрёки поспать,
А куда рухнули в койку мы,
Продолжая рвать и метать.

Все слова, намеренно дерзкие,
Красной занесло пеленой.
Но зато постель по-соседски нам
Не делить, как с прежней, другой.

Пусть трещат цветастые простыни
И летят подушки в углы.
Мы с тобой давно маски сбросили,
Чтоб огонь не скис до золы.

И красивых слов говорить нельзя,
Лаской запечатанным ртом.
Это не «любить», это «трахаться»,
А любовь обсудим потом.

Платье в пол

Чем бы судьба ни тешила – всё урок,
Злоба ли чья, насмешка ли – будет впрок.
Выучено, отвечено, пуст престол,
Выбери себе вечером платье в пол.

Все эти джинсы, шортики – не в момент,
Слишком наглядно портили комплимент.
Куплен подобной курицей твой осёл?
Плюнь! И возьми, будь умницей, платье в пол.

Стерпится ли, рассеется – будем жить,
Опытом что ли мериться да хранить?
Год какой бы по ленточке ни пошёл —
Бровки вверх, моя девочка...
Платье – в пол!

«Увековечь меня на барельефе своей стены...»

Увековечь меня на барельефе своей стены,
Выкуй меня в своём статусе медными буквами,
Что-нибудь типа: «Все мужики – козлы!»
Что-нибудь вроде: «Я не встречаюсь с придурками!»

Что-нибудь наподобие: «Лузер, теперь ревнуй!
Сам виноват, что прошляпил такую зайиньку!»
И расскажи всем подружкам своим, что хуй
Тощий, кривой у меня, и ужасно маленький.

Так ты, конечно, жестоко мне отомстишь,
Жизнь мою сделаешь грустной, пустой, потерянной...
Только подружки твои сразу поймут – пиздишь.
Ими не раз проверено.

Не подметая

Ты, милая, мой ангел бытия,
Мой ласковый и нежный небожитель,
И бережёт хозяйственность твоя
Уютную семейную обитель.

Когда бы я с работы ни пришёл,
Пусть даже неожиданно и рано, —
Вином украшен наш домашний стол
И пышной пеной истекает ванна.

И оттеняют винную купель
Пикантные холодные закуски,
И приглашает тёплая постель
Войти в режим любовной перегрузки.

Одно корёжит тонкую строфу,
Детали этой я не понимаю:
Ну хули так натоптано в шкафу?
Как можно жить, в шкафу не подметая?

Быть может, что местами я не прав,
Но намекну, без шума и без боя, —
Поставлю веник и совочек в шкаф,
И сей нюанс исчезнет сам собою.

Девушка с квадратной головой

Распустив застенчивые косы,
В темноте склонилась надо мной,
Распашонкой утирая слёзы,
Девушка с квадратной головой.

Девушка с глазами цвета моря,
Почему душа твоя болит?
Стал ли я того причиной горя,
Стал ли я источником обид?

Может я нечаянно, случайно,
Был с тобой безжалостен и груб.
Отчего же смотрит так печально
Твой прекрасный белокурый куб?

Где твоя запрятана обида,
Как мне грусть твою искоренить?
Галатея, детище Евклида,
Не дано тебя мне изучить.

Я учебник школьный пролистаю,
Нежно глядя грань твою рукой,
Жаль, я ничего не понимаю
В девушках с квадратной головой.

Фике

Она стояла на коленях,
С пурпурной розою в руке.
Качались веточки сирени,
И выпь кричала вдалеке.

А он в глаза смотрел ей томно,
И путал пальцы в волосах,
И двигался легко и ровно
Горячий хуй в её устах.

А ей слегка обидно было,
Хоть он старался, в меру сил,
Она его уж полюбила,
А он её употребил.

Не рассказала, не открыла
Происхождение своё,
И он её с улыбкой милой
Всю ночь на сеновале ёб.

Качались веточки сирени,
И выпь кричала вдалеке...
Он был какой-то там Оленев,
Она – какая-то Фике...

«Кофе и сыр...»

Кофе и сыр,
За окном, как всегда, ненастье.
В блогик пишу про смешные свои дела.
А ведь с утра на меня навалилось счастье —
Мы поругались,
Ты, вещи собрав, ушла.
Мне показала отставленный средний палец,
Хлопнула дверью,
Швырнула ключи в подъезд...
Я станцевал отчаянный дикий танец,
Спел «Аллилуйя»
И вылил, к керам, Шартрез.

Выпил сто грамм настоящей холодной водки,
Сел за компьютер и начал творить дела:
Поудалял наши общие с тобой фотки,
Статус поставил из серии «Ты ушла»,
Музыки грустной в плей-лист себе навтыкаю —
Пусть все решат что я плачу, грущу, топлюсь.
Что не дышу и попросту умираю
Я без тебя...

А я без тебя тащусь!

«Говорит Аиду Персефона...»

Говорит Аиду Персефона:
– Держишь ты меня в чёрном теле:
Ни машины, ни телефона,
Ни песка в шкафу, в самом деле.
У золовки моей, у Геры,
Полон дом серебра и злата,
По утрам ей поют Гомеры,
А у нас лишь ШурА поддатый.
У неё на руках болонка,
А у нас растолстевший Цербер,
Она ездит на Кипр с ребёнком,
А у нас – то тайга, то север.
У неё Ганимед дворецким —
Златокудрый да волоокий,
А у нас этот Харон мерзкий —
Колченогий да кособокий.
У неё там пиры да блядки,
Без обиды да без цензуры...
В общем, всё у неё в порядке,
Пофартило по жизни дуре.
Повезло с мужиком, заразе,
Он пробился, в авторитете.
Ну а мы – в подземелье грязном,
Мертвяки, тараканы, ветер...

Отвечает Аид супруге,
Головой покачав: «А знаешь,
Что грызутся они как суки,
Дверь квартирную закрывая.
Что давно ни любви, ни веры —
Проститутки, альфонсы, драки...
И милее всего для Геры
На просвет водяные знаки.
Что для Зевса всего надёжней —
Откупиться и пить втихую...
Неужели ты хочешь тоже
Роскошь,
Ложь
И любовь такую?»

Дефис

И о чём говорить нам?
И есть ли смысл
Продолжать отношения личные?
Для тебя, это ж надо, тире и дефис
Не имеют отличия.

Я устал объяснять, рисовать, чертить,
Опускаюсь на корточки.
Ну какой же бесчувственной нужно быть,
Чтоб тире назвать «чёрточкой»?

Я исполню любой твой тупой каприз,
Я прощу тебе многое.
Но, пожалуйста, правильно ставь дефис,
Чудо ты длинноногое.

Верю, милая, выучишь и поймёшь,
Прояснения тебе скорого.
Ты же девочка-солнышко, солнце-клёш,
«Я люблю тебя – это здорово...»

«Ну и кто тут всему голова, скажи?..»

Ну и кто тут всему голова, скажи?
Видишь, в доме наточены все ножи,

Видишь, гвозди забиты, накормлен кот,
Холодильник затарен на год вперед,

Ловко вкручены лампочки, пол помыт,
В кухне кран не чихает и не хрипит,

На балконе верёвка звенит струной,
Починилась духовка сама собой,

И вокруг лепота, теплота, уют.
В общем, люди хорошие здесь живут.

В общем, я в одиночестве не помру,
Можешь к маме уматывать поутру,

Можешь ездить ей жалобно по ушам,
Приравняв меня к смертным семи грехам.

Можешь многое сделать, но дело в том,
Что неплохо бы просто взглянуть кругом,

Ведь в таком-то жилище грешно не жить.

Может проще остаться? И повторить?

«Всё по возможностям мне и по силам...»

Всё по возможностям мне и по силам,
К подвигам доступ широкий открыт:
С неба звезду я достану для милой!
...если кредитный отдел разрешит.

Я разнесу Гималайские горы,
В пыль превращу их хвалёный гранит!
Я покорю океанов просторы!
...если кредитный отдел разрешит.

Рыцарем стану! Да что – Суперменом!
Горы проблем опрокину на щит!
Все твои беды решу непременно!
...если кредитный отдел разрешит.

Хочешь увидеть могущество в деле?
Хочешь чудес от широкой души?
Милая, ты же в кредитном отделе.
Зай, ну пожалуйста, ну разреши...

Мириться

Вот закончится дождь... и давай мириться.
Это глупо – ругаться, когда кругом
Оживают цветы, запевают птицы,
Открывает глаза полусонный дом.

В босоножках июнь пробежит по лужам,
Пусть сигналият машины ему вослед!
Завтра он будет выглажен, отутюжен,
А сегодня на парня управы нет.

Он смеётся, гремит – проливной, звенящий,
Заводной кандидат дождевых наук,
Открывая, как-будто, волшебный ящик,
Где веками хранились и свет, и звук.

И у нас – то же самое, та же буря,
Гром и молния – в голос и по ролям,
Не жалея, не жалуя, не халтура,
Без пощады застигнутым кораблям.

Мы запутались в вихре причин и следствий,
И, скорее, всё ровно наоборот:
Чтоб спасти этот мир от стихийных бедствий —
Перестанем ругаться... и дождь пройдёт.

На грабли

Сидишь и дышишь: О боже, боже!
Скажи мне, боже, что всё не так.
Как ни старалась быть осторожней,
Но снова чувствую, что муadak.

Зачем влюбилась опять как кошка?
Ни в зуб, ни в лоб, ни в коня овёс:
Опять на грабельную дорожку
Какой-то леший меня занёс.

Жестокий опыт – учитель строгий,
От прошлых граблей не слез синяк.
Мне б научиться смотреть под ноги,
Но в этой жизни, видать, никак.

Пока сойдётся, пока срастётся,
Пока притрётся – уже развод.
И одинокое бабье солнце
Над горизонтом опять взойдёт.

На эту драму смотрю без грусти,
А если честно – сижусь и ржу.
Сейчас немного тебя отпустит,
Всю злую правду тебе скажу.

Не впрок наука, а что, не так ли?
Господь напрасно тебя учил:
Из года в год посылал он грабли,
Но, наконец, инструмент сменил.

Не стоит попусту тратить силы
И предвкушать миллион проблем:
Ведь я не грабли, мон шер, я – вилы.
А это – сразу и насовсем!

«Мы разосрались не по-детски...»

Мы разосрались не по-детски,
Понять бы логику твою:
Раз я стираю эСЭМЭСки,
То, значит, палево таю.

Любви досадная превратность;
Читай, родная, по губам:
Ну вот люблю я аккуратность
И не коплю различный хлам!

Окинь наш быт суровым взглядом
И оцени мой злой талант:
Носки попарно, туфли рядом...
Я просто конченный педант.

Я сообщения стираю,
Как паутину со стены,
И сам себя оберегаю
От нашей ревностной войны.

Ведь мне с тобой придётся биться
И долго, нудно объяснять,
Что «Лана-пицца» – это пицца,
А не шифрованная блядь.

И ты согласишься в эту сказку
И снова с рук мне всё сойдёт...
Моя волшебная отмазка,
Математический расчёт.

Поэтесса

Так и закончилась наша любовь,
Неумолимо, как камень,
Тянет нас в пропасть заблёванных слов,
Что называют стихами.
Снова про кофе пишу и туман,
Ты – про обман и разлуку...
Лайкает стих твой какой-то еблан...
Мой же не лайкает, сука.

Я засучил рукава и штаны,
Выпил портвейну для страсти,
Клею в строку нехуёвой длины
Плач про ушедшее счастье.
Ты, в телефон оперев маникюр,
Пишешь, как в школьной тетради...
Лайкают стих твой четыреста дур!
Мой же не лайкают, бляди!

Тысячу грустных баллад я сваял —
Где их немая могила?
Два миллиона сердечек собрал
Статус, что ты сочинила.
Как ни ругайся, как ни сквернословь,
Лайки – упряжка прогресса.
Вот и закончилась наша любовь,

Хуева ты поэтесса!

Расстегай про «женюсь»

как неприятно быть поэтом
когда ты очень одинок
какой бы дать тебе на это
намёк

надену мятую рубашку
и ароматные носки
как будто бы я полон тяжкой
тоски

начну зимой ходить без шапки
ужасно отобьюсь от рук
чтоб во дворе шептались бабки
бирюк

начну писать стихи плохие
про глубину любимых глаз
как будто я в чужой стихии
погряз

неделю морду не побрею
борщом невкусным обольюсь
давай я на тебе скорее
женюсь

Булимия

У Татьяны истерия —
Навалилась булимия.
Выйдет Таня в огород
И капусту всю сожрёт.

С неебической сноровкой
Проредит грядку с морковкой.
И лучок, пока не в дудке,
Упокоится в желудке.
Всякий вкусный корнеплод
Наша Таня тащит в рот.

А соседи смотрят хмуро —
Исчезают ночью куры!
Ясно, кто их мог сожрать,
Но пока не доказать.

И свинья у них за месяц
Сдулась килограмм на десять.
Видно, кто-то, с недосыта,
Пиздит кашу из корыта.
Таня, Таня, хватит жрать!
Стыдоба, едрёна мать!

Почему же поутру

Ходит Таня по двору?
От забора до гряды,
Вечно в поисках еды.

Просто у Татьяны в хате
На разложенной кровати
Спит Серёга-баянист,
Тоже знатный булимист!

Третье сентября

Дождливый день влечёт ко сну
И дразнит призрачной весной.
Я календарь переверну,
Пускай висит вниз головой.

Переверну пустой стакан
И две больших сковороды,
Переверну на кухне кран,
Пускай останусь без воды.

Переверну кровать и стол,
Пластинку группы «Верасы»,
Переверну, пока в прикол,
С кукушкой старые часы.

Переверну половики,
Ковёр и плазму на стене,
И лишь цветочные горшки
Спасутся чудом на окне.

Затем переверну кота,
Хотя ему на всё плевать,
Пускай повсюду суета,
Он продолжает мирно спать.

Поддамся силе сентября,
И жадно гляну на жену:
Иди, родная, я тебя
От всей души... переверну.

«На кухне коромыслом дым...»

На кухне коромыслом дым,
Звенят бокальчики.
– Ой, девки, хорошо сидим
Без наших мальчиков.

Сидим в компании своей,
Шампусик пенится.
А разрешение мужей?
Пусть ерепенятся!

Кто в мире сила и мозги?
Да мы же, бабоньки!
А мужики... Что мужики?
Пол смиренный, слабенький!

Нам стоит бровью повести
Да стрельнуть глазками,
И мигом наши мужики
Все станут ласковы.

А если будут возражать,
Трясти традиции,
То мы ведь можем и не дать,
И век поститься им.

Вот мой заявится домой,
Придёт усталенький.
И что он скажет мне такой?
Чайку и баиньки!

Судьбы уроки нележки,
Отбор естественный.
Эх, девки, что нам мужики,
Ведь рулят женщины!

Вот тут-то я зашёл домой,
В разгар величия.
И вмиг бомонд болтливый твой
Сменил обличие.

Головки сникли, каблучки
В момент зацокали,
На модных сумочках замки
Быстрее защёлкали.

– Ой, нам пора. Пока-пока,
До воскресения...
И дверь внесла на двух замках
Успокоение.

На кухне греется гуляш
И чайник мается.
И быт уютный тихий наш
Опять рождается.

И что б ни плёл девичник твой,
И как ни лаялся,
Но вот пришёл мужик домой...
И мир исправился.

Para bellum

Наши мелкие дразги – убоги, унылы, неловки,
Но грозят разразиться весёлой семейной войной.
И намечены цели для яростной артподготовки,
Что поделать, в любви para bellum у каждого свой.

Но есть общее средство в составе любых арсеналов —
Если нужен сожжённый Рейхстаг, пробивной компромат,
Мы отправимся к бабушкам – кладезям тайных анналов,
Что на лавочке возле подъезда сурово сидят.

Обо всём известят коммунальные наши весталки,
Городские легенды, квартирных масштабов молва:
Кто приходит к тебе по средАм, когда я на рыбалке,
Кто приходит ко мне по субботам, когда ты – в дрова.

Всё наглядно и ярко, как красный плакат Агитпропа:
Кто машину помял, не вписавшись в простой поворот,
И кому приносил бандерольку курьер из секс-шопа,
И кто за полночь водку у Марьи Петровны берёт.

И кого провожал армянин, предлагая нарциссы,
И к кому приезжает родня, чтобы просто пожрать,
И кому пишет письма из местного ТЮЗа актриса,
И кто просто хамлю, что давно бы пора расстрелять.

Вот и повод к войне, и железней найдёте едва ли,
Сожжены все мосты и форсирован вплавь Рубикон.
И осветят события с места семейных баталий
Неполживые СМИ под пушистым пуховым платком.

«Как я люблю тобою любоваться...»

Как я люблю тобою любоваться,
Как ты возбуждена и горяча,
Ты так прекрасна в эти восемнадцать
Часов, когда ты чавкая, урча,
Жуёшь, жуёшь, не в силах оторваться,
Чтобы успеть, пока «Маяк» звенит,
Доесть пельмени и допить Lavazza,
Ведь после восемнадцати – ни-ни.

Опять худеешь, значит скоро лето,
Пора под мышцы прятать целлюлит,
Успей доесть последнюю котлету,
Шматок лангета и мазок паштета,
Догрызть слегка засохшую галету
И два куса румяного омлета...
Чтобы снова сесть на жёсткую диету.

Успей доесть,
Пока «Маяк» звенит...

Апперкот

О Боже мой, какая прелесть —
Пишу любовные стишки.
Амур попал конкретно в челюсть,
Не тратя сил на потрошки.

Подкрался, голожопый, сзади,
Как Чингачгук, ни дать ни взять:
Подставил девушку на «Ладе»
Под бампер моего «Икс-пять».

Я грозен был и неминуем,
Внушал волнение и страх,
Грозил ей штрафами и хуем,
Пусть хуем только на словах.

Я раза в два, наверно, выше,
И в три, примерно, тяжелей;
Я страшный тигр на фоне мыши,
С мешком отборных пиздюлей.

Она – глазёнки голубые,
Косички, без помады рот,
Кроссовки, джинсики простые
И... охрененный апперкот.

Лежу в палате, ем «Агушу»,
Ворон считаю на кустах...
Разбередила, сучка, душу
И челюсть, сразу в двух местах.

Восстание машин

Сопрятались коты по зауглам,
Канарейка в жёрдочку скрутилась,
В кухне грохот, треск и тарарам —
Машенька на что-то разозлилась.

Может где-то накосячил я,
Может просто в мире напряжёнка,
Но на кухне лязгает броня
И гремит металл ужасно звонко.

То ли сковородки дребезжат
И звенит летучая посуда,
То ли злобных киборгов отряд
Топают по черепушным грудам.

Хуже нет разгневанной жены,
Не попасть бы часом под раздачу.
Сладкий лепет ядерной войны —
Жалкая подделка, не иначе.

Мне слегка добавится морщин,
И скажу я, просто, чтобы знали:
Справлюсь я с восстанием машин
С Машинным восстанием – едва ли.

«Мне снился сон...»

Мне снился сон,
Практически в 3D,
Раскрашенный волшебными цветами, —
Как будто люди вдруг исчезли все,
Как в фильме голливудском, про цунами.
И в мире тишина и благодать —
Никто не гадит, не орёт, не спорит,
А я пошёл по городу гулять,
И вдруг встречаю Анджелину Джоли.

Она такая вся на нервяке,
Помада, платье, тонкие колени...
А я ей предлагаю налегке
Пройтись по главной площади, где Ленин,
Гранитный и с протянутой рукой,
Где бьёт фонтан, где тёмные аллеи,
И до моста над тихой рекой,
Где запад по-закатному алеет.

И здесь она забудет обо всём,
Прижмётся, ёжась от вечерней стыни,
И ярким малахитовым огнём
Сверкнут её глаза, и как в пустыне
Вдруг пересохнет в горле. Помолчав,
Она своей рукою – тонкой, ловкой,

Небрежно сбросит петельку с плеча
И обнажит свои татуировки...

Я к ним своей ладонью прикоснусь...
И в тот же миг звенящий подзатыльник,
Свернув 3D в сияющую грусть,
Мне влепит беззастенчивый будильник.
И я проснусь в извечном бардаке,
Где пыль, тоска и шкалик недопитый...
И тишина. И где-то вдалеке
Всё так же Анджелина бредит Питтом.

Камышовый кот

Далеко-далеко, в заповедной глуши,
Средь уютных зелёных болот,
Возле старого пня, улыбаясь, лежит
Камышовый задумчивый кот.

На полмира вокруг – ни души, никого, —
Безмятежная сонная тишь.
Кот лежит и журчит в животе у него
Камышовая вкусная мышь.

На верхушках осин засыпают дрозды,
Ночь идёт – одинока, темна.
Отражением в зеркале тёмной воды

Камышовая всходит Луна.

Грустной песней рассыпется дрёма болот

В заповедном и тихом краю.

Так зовёт камышовый задумчивый кот

Камышовую кошку свою.

Пикачу

Ты не ведьма, ты ёбанный Пикачу,
Милый, тёплый, но с пафосом превеликим:
– Я тебя заколдую, коль захочу,
Душу вытрясу, выкраду, захвачу,
И к ногам своим брошу рабом безликим!

Загадаю на картах, сожгу в огне,
Воск, булавки... Ты кукла моя смешная!
На коленях тогда приползёшь ко мне,
Будешь выть словно пёс при большой Луне!
Я с тебя, дорогая, охуеваю.

Загляни-ка поглубже в хрустальный шар,
Сморщи лоб словно мудрый китайский старец,
Обойди демонических углей жар,
Проберись сквозь туманный ночной кошмар...
Видишь мой оттопыренный средний палец?

Сбереги свои чары для нужд иных,
Цель другую найди колдовскому средству.
Я не суженый-ряженный, не жених,
Не таинственный ёбарь на выходных,
Я всего лишь живу с тобой по соседству.

Так что дверь за собой закрывай скорей,

Жду супругу домой, может сделать больно —
От души наколдует тебе люлей.
Не поверишь, она – королева фей,
Я давно заколдован ей.
Добровольно.

На спирту

Всё охуенно и весело,
Годы растят красоту:
Наше любовное месиво
Мы развели на спирту.

Мы познакомились синими,
Счастье застало врасплох,
Наши судебные линии
Не распознали подвох.

Свадьбу почти не запомнили
Через хрустальный трезвон,
Месяц медовый оформили
Как послепраздничный сон.

Быт разрастается датами,
Белкой кружит в колесе,
Мы остаёмся поддатыми,
Веря семейной стезе.

Может быть, это неправильно,
Только вот сыкотно нам:
Вдруг протрезвеем нечаянно
И разойдёмся к хуям?

«Проснулся, глаз открыл лениво...»

Проснулся, глаз открыл лениво,
И потягушки пять минут
И, повернувшись на боку,
Чуть почесался в рыжей гриве.

И всё глядел исподтишка,
Как я неспешно одеваюсь,
Похабно-мудро ухмыляясь,
Подобье злое мужика.

И завтрак громко запросил,
И, не стесняясь своей скуки,
Мои заботливые руки
Голодным взглядом обносил.

Поел, и не сказал спасибо,
Безжалостный тупой мужлан,
А мыслью – снова на диван,
Но без меня, а мне обида.

Переварил, вздохнул, чихнул,
И не побрившись, не одевшись,
В моих объятьях не погревшись,
Ты на работу ускользнул.

Где будешь ты – мне не узнать,
В твои обманы не поверю,
Быть может, ты в другие двери
Войдёшь, и нечего сказать.

И тех, других, что у тебя
В огромном городе немало,
Твоя душа, нет, не устала
Ласкать, не вспомнив про меня.

Под утро ты придёшь ко мне —
Уставший, потерявший голос,
И чей-то нежный белый волос
Найду я на твоей спине.

Ругать тебя я не смогу
И выгнать тоже не посмею,
Я не любить тебя умею,
Но только долго не могу.

А ты к прощению привык,
А я дарю тебе все силы,
Как хорошо, что ты, мой милый,
Всего лишь КОТ, а не мужик.

«Тебе нужен не я, а талантливый плотник...»

Тебе нужен не я, а талантливый плотник,
Чтоб с руками, мозолями и бородой.
Чтобы он смастерил из тебя подлокотник
Или раму красивую, или наличник резной.

Чтобы он с тебя твёрдым и строгим рубанком
Поэтично и нежно узорную стружку снимал,
Чтоб будил тебя утром тяжёлой киянкой
И без тени сомнений пилил, колотил и строгал.

Чтобы тонкие формы текстура твоя обретала,
Чтобы розовый лак обнимал тебя тёплой рекой.
Чтобы он из тебя сотворил что-нибудь, что попало,
Лишь бы ты не осталась обычной еловой доской.

Несолоно

Он прикупил вина и хризантем,
В потёртый пиджачок укутал плечи,
И, отрешившись от мирских проблем,
Планировал интимный жаркий вечер.

Он был готов на многое, на всё,
Что только бы она не пожелала,
Лишь бы бедро изящное её
Его за шею нежно обнимало.

Он был готов суровые уста
Прижать к тому, о чём и думать стыдно,
В такие сокровенные места,
Которые и в сауне не видно.

Он был готов, закончив все дела,
Лежать с ней рядом – гордым и уставшим,
Но не свезло, не вышло, не дала...
Ушёл домой несолоно ебавши.

«Лишний стакан креплёного...»

Лишний стакан креплёного,
Пивом чуть позолоченный,
Тело твоё точёное
Делает обесточенным.

Пара мохито с вишней —
Допинги необычные —
Вежливо обездвижили
Мысли твои приличные.

Шот голубой агавы
Из мексиканской провинции
Мигом сольёт в канаву
Все твои твёрдые принципы.

Лижешь ты через силу
Кремовое мороженое...
Солнышко моё милое,
Эк тебя распирожило.

«Мы опять худеем вместе...»

Мы опять худеем вместе,
Три недели как одна.
Геноцид сосискам в тесте,
Сдобным булочками – война.
В доме нет ни грамма жира,
Изгнан вон холестерин,
Идеальная квартира,
Продуктовый карантин.

Мы нашли себе Ваала,
Жертву требуют весы,
Мы забыли запах сала
И копчёной колбасы.
Я реву теперь без лука,
Путь к здоровью – это жечь.
Ох и страшная наука —
Не хотеть всё время есть.

В неуёмном этом деле
Преуспели от и до,
Мы на нём собаку съели
И щенков её штук сто.
Вышел срок наполовину,
На весы смотреть боюсь:
У тебя – четыре минус,

У меня – двенадцать плюс.

Чтоб свершить такое чудо
От души стараюсь я —
Заведения фастфуда
Посещаю втихаря.
Чтоб не пасть невинной жертвой
В похудательной войне,
Мне приходится усердно
Тайно жрать на стороне.

Эту схему не раскрою
И не выдам никогда,
Думай, что всему виною
Эта «умная» еда.
Предлагаю, в знак протеста,
Мясо жрать и пиво дуть,
И тогда я, честно-честно,
Похудею как-нибудь.

«Без весомых причин не ломай себе голову...»

Без весомых причин не ломай себе голову,
Осознанием факта всего одного:
Если девушка перед тобой ходит голая —

Это, парень, не значит ещё ничего.

Тут, наверное, стоит добавить конкретики,
Хоть сто раз говорили, но выслушай вновь:
Лишь когда она перед тобой без косметики —
Будь спокоен, вот это реально любовь.

Душа обязана...

Проснись, душа моя, доколе
Ты мять подушку собралась?
Ты видишь, рожь не жата в поле
И на ковре земная грязь.

Порты не стираны, не шиты,
Не кормлен во хлеву кабан,
И белокрылые «мохиты»
В мой не намешаны в стакан.

Вставай, душа моя, негоже
Служить подставкой для кота.
Давно пора рубать крошек
В кастрюли звонкие борта.

Доить коров, коней стреножить,
Косить клубнику, лён и хмель...
А не давить в денёк погожий
Собой уютную постель.

Вставай, душа, не надо злиться,
По Заболоцкому, точь в точь:
«Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь...»

«Слышу с кухни грозный крик...»

Слышу с кухни грозный крик:

– Надо выбить половик!

И купить еды домой!

Я киваю головой...

Не стихает дикий ор:

– Маме вызови «мотор»!

Спрячь в кладовку спиннинг свой!

Я киваю головой...

Начинается скулёж:

– Заточи мне хлебный нож!

В спальне форточку закрой!

Я киваю головой...

Переходят вопли в стон:

– Прибери уже балкон!

Мусор выбрось, пол помой!

Я киваю головой...

Полночь. В доме тишина.

Спят и дети, и жена.

Мир спокоен, добр и чист.

Я не сволочь. Я буддист.

Маша и шнурок

Маша кушала морожено,
Я подкрался осторожно,
И сразу в закоулочек,
Между теплых булочек.

Почесал чуток ей спинку,
Оттянул трусов резинку
И, пройдя подбритый лес,
Пальцами в пирог залез.

Маша девочка большая,
От пломбира оторвась,
Ножки шире раздвигает,
Спинкой ловко изогнись.

Я в штанах своих копаюсь,
Я штаны стащить пытаюсь.
Потянул я за шнурок —
Завязался узелок.

Машенька стоит, скучая,
Сладкий свой подставив грех,
И мороженка уж тает
На губах. Да не на тех!

Говорит она: «Ну хули?
Сколько ждать твоей балды?
Разминулся что-ли с хуем?
Подобрался – так еби!»

Говорю ей: «Ты, подруга,
За мороженкой следи,
Щас тебе я вдую туго.
Ну, короче, не пизди»

Очень сильно я старался,
Но шнурок не поддавался,
Не ебать же, хуй-наны,
Машу мне через штаны.

Маша свой пломбир доела,
Распрямила гибко тело,
И оборвала контакт,
Показав мне длинный fuck.

Подъебал меня шнурок,
Не пустил меня в пирог.
И с тех пор ношу, друзья,
На резинке брюки я.

«ПТИЦЫ ТВОИ ЗЛЫ...»

Птицы твои злы,
Рвут небеса в кло...
Рушится мой мир,
Мелким стеклом кро...

Руки поднял я,
Бьёт по ушам бо...
«Снова пришёл пья...
Грязная ты сво...»

Я за стеной спря...
Гордо за ней хрю...
Хоть бы и свин я,
Но я тебя лю...

Вляпались

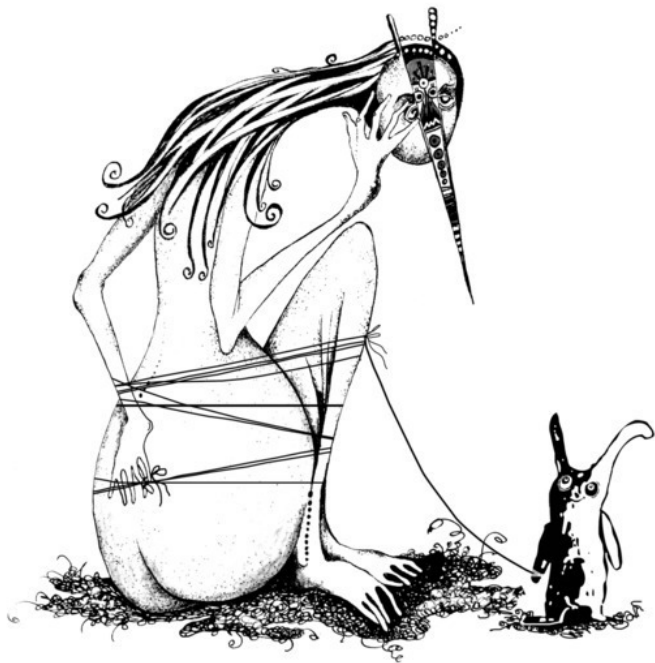
Мы под куполами золотыми
Ждём, когда нам выдадут венец...
Чую я печёнками больными,
Что какой-то близится пиздец.
Что не будет больше по-былому,
Что мне век свободы не видать,
Что впадаю в бытовую кому,
Из которой точно не восстать.

В чёрном фраке, строгий и красивый,
К алтарю ведёт тебя отец...
Ну какая дьявольская сила
Нас втолкнула в этакий пиздец?
Ты прекрасна, в этом нет сомнений,
Я тебя люблю и все дела,
Но вот чую – ты с моих коленей
Вежливо на шею заползла.

Музыка органа отыграла,
Обнажая перестук сердец...
Ты сама-то, солнце, осознала
То, в какой ты вляпалась пиздец?
То, что я теперь твоя надёжа,
Я твоя спина из кирпича.
Жить тебе, мою смешную рожу

За собой по жизни волоча.

Мы с тобой, как чайки-перелётки,
Связаны сиянием колец...
Гости жрут четвёртый ящик водки,
Радуются, им-то не пиздец.
Я тебя целую, на закуску,
В твой влюблённо-радостный оскал...
Почему так весело и грустно —
Я ещё и сам не осознал.

«Пишет мне девушка Рая...»

Пишет мне девушка Рая:

– Я без тебя умираю.

Я без тебя не дышу.

Будь со мной, милый, прошу.

Пишет мне девушка Нина:

– Где тебя носит, скотина?

Хоть отвечай на звонки!

Сволочь, как все мужики!

Пишет мне девушка Лида:

– В опере нынче «Аида».

Есть два билета в партер.

Жду тебя, мой кавалер.

Пишет мне девушка Катя:

– Гоу сегодня на пати!

Новая шоу-программа

С пышками из Амстердама!

Пишет мне девушка Света:

– Водка. Пюрешка. Котлета.

Тонкий халат. Без белья.

В шесть. Как всегда – у меня.

Дело серьёзное, братцы,
Ну и куда мне податься?

Думать тут долго не надо,
Знают в народе расклады:
Ладят любовь и совет
С запахом вкусных котлет.

Ладит таинственный вечер
С искренней радостью встречи,
С нежностью сказанных слов:
Ужин, жилплощадь, любовь.

Стих завершён невзначай...
В общем, Светлана, встречай!

Кю

(Кин-дза-дза v/s А. С. Пушкин)

Пустое ку жестоким кю
Она при встрече заменила
И душу скорбную мою
В эцих с гвоздями превратила.

Мой цак трагически всплакнёт,
Кэцэ последний вспыхнет ярко,

Ни чаттла нету для подарка,
Ведь я, увы, не эцилопп.

Я как заброшенный пацак,
Как пепелац без гравицаппы,
Ах, уберите свои лапы —
Я Вас любить мечтал не так.

«Я читаю тебя как книжку...»

Я читаю тебя как книжку,
На диванчике, перед сном,
Прочитаю твоё пальтишко,
Поразмыслю над свитерком.

Зачитаюсь ремнём и пряжкой
(как изящен её сюжет),
И чулки заложу бумажкой
Сторублёвой – крупнее нет.

Вот завязка!
Замес!
Интрига!
Пальцы с хрустом свело мои.
Я ногой в нетерпенье дрыгал,
Сияясь лифчик разъединить.

А потом дочитал остатки,
И стянул их вдоль стройных ног,
И раскрылись твои загадки,
И прочитан был эпилог.

Отыграли герои роли,
Слишком бледный и скучный вид.
Закурю сигаретку, что-ли.

Всё банально.

Сюжет избит...

Самооборона

Тебе цветы кидал в окошко
И звал в кино на «Черепашек»,
Но оказалось всё немножко
Страшнее сказочных ромашек.

Пришла пора суровых самок,
Принцессы выросли иные:
По кирпичам разобран замок,
Дракон пошёл на отбивные.

Жених осёдлан и стреножен,
Расписан план, составлен график,
Семейный быт скользнул из ножен
Мгновенных общих фотографий.

Попробуй-ка, внеси поправки
В совместный дрифт на поворотах —
Коса окажется удавкой,
И ты повиснешь на воротах.

И чтоб в гробу не очутиться
Под тяжестью твоей короны,
Придётся на тебе жениться,
В пределах самообороны.

«Вся посуда раскурочена...»

Вся посуда раскурочена
И разбита тишина,
Перемирие закончено,
Начинается война.
Переходишь в наступление
И теснишь по всем фронтам...
Да, забыл про день рождения
И опять напился в хлам.

И орёшь ты с новой силою,
Выражений не боясь.
Что-то ты сегодня, милая,
Словно с хуя сорвалась.

Словно яростная фурия,
Ешь меня, сколь хватит сил:
Снова платье по фигуре я
На тебе не похвалил.
Не осыпал комплиментами
Новый цвет твоих волос,
И дышу теперь моментами
От истерик до угроз.

А ты всё орёшь, красивая,
Не стеснясь, не таясь.

Что же ты сегодня, милая,
Словно с хуя сорвалась.

Чтоб твои атаки дивные
Эффективно отбивать,
Нужно меры превентивные
Как лекарства принимать.
Я пошлю к едрене матери
Прекращение огня,
В поцелуях и объятиях
Зафиксирую тебя.

И кричишь ты с новой силою,
Без стеснения и стыда,
От меня теперь, любимая,
Не сорвёшься никогда.

Трали-вали

Мы давно друг друга знали
По этапу «трали-вали».

И нечаянно достигли
Отношений «фигли-мигли».

А потом мы превратили
Всё в сплошное «шпили-вили».

И теперь для нас играют
«Тили-тили», «баю-баю»...

Я прошу

Я прошу тебя: только не превращайся в них —
В этих тёток, умятых в пуховики,
Что бегут за автобусом, толстой махая сумкой,
И кричат на водителя:
– Погоди!
Оставайся такой, как сейчас, безумной,
А испортишься – лучше не подходи.

Я прошу тебя: только не в красный цвет,
Не в гнездо медной проволоки. Совет
От подруги дурной своей вычеркни, словно ненужный
номер,
Что прически на свете прекрасней нет,
Чем завивка и марганцовочный колер.
Никогда для тебя не наступит «так много лет».

Я прошу тебя: только без пошлых драм,
Уж скандал так скандал, половина посуды – в хлам,
Чтобы стёкла звенели, соседи к стене прилипали
с кружкой.
Чтобы ссора звучала как самый убойный Drum,
А не плакать в углу и сопли пускать в подушку,
Дескать, хватит скандалить под старость, куда уж нам...

Мы с тобой проживём до лысин и до седины,

До беззубого смеха, паучьих сетей морщин,
Лишь бы скука да быт, да тоска не скрутили нас прочно.
Я останусь единственным из мужчин,
Ты – единственной женщиной, это точно.
И печалиться, значит, нам нет никаких причин.

«Пролилась река из небесных чаш...»

Пролилась река из небесных чаш
Синей гладью.
Как же берег твой перекинуть в наш,
Мне узнать бы.

Как бы берег мой нашим обратить,
Общим сделать?
Как бы мне тебя оптом полюбить —
Душу с телом?

Берег твой далёк, голову кружит
Август душный.
От меня к тебе с весточкой летит
Змей воздушный.

Ты мне по реке девичий привет
Шлешь веночком.
Мне б тебя обнять, да мосточка нет,
Жалко очень.

От любви к тебе распирает грудь,
Давит плечи.
Вот придёт зима и тернистый путь
Станет легче.

Не растопит лёд и пушистый снег

Злое солнце.

Я тогда по льду прибегу к тебе,

Поебёмся.

«Подсудимых нет и обвиняемых...»

Подсудимых нет и обвиняемых,
Нет других подследственных личин,
Мы с тобой взаимозаебаемы,
С кучей отягчающих причин.

Каждый со своими тараканами,
С острым томагавком за спиной:
Подъебал, а личиком – как каменный,
Оборжал, но чутко и с душой.

А в ответ – лови! (раскрылся, глупенький) —
Профессиональное туше,
Сразу мачо превратился в хлюпика,
С коренной обидой на душе.

А когда сражения окончены,
Ночь включила звёздный перелив, —
Миримся постелью полуночную,
Ласками друг друга усмилив.

Но в дубравах дремлют персональные,
Хитрые засадные полки,
Чуть сверкнут вдали огни сигнальные —
Получай, рассудку вопреки!

Оба – и не дети, и вменяемы,
Жить бы – всё рядком, да всё ладком.
Только мы взаимозаебаемы,
Ёбнутая дура с мудаком.

Метафорическое

С тобой мы встретились отчаянно,
Медленно, пафосно,
В свистящем городе прокуренном,
У слепых тополей.
А день стелился нескончаемой,
Шёлковой патокой,
Лишь ветер песни пел нахмуренно
Средь раскосых аллей.

Я обнимал тебя за талию
Бицепсом яростным,
И стройный взгляд безотлагательно
Проникал в твой корсаж.
Ты от моей улыбки таяла
Вежливо, жалостно,
И свой румянец гулко прятала
В холостой макияж.

Роман закончился обрывочно,
С финишем выпранным:
Ты растворилась в Риге бархатной,
Я исчез в Туруханск.
Но вкус эмоций томно-сливочный,
С привкусом жизненным,
Родил из нашей страсти пафосно-

Растворимый романс.

Девушка с отсутствующим взглядом

Шёл я возле кованой ограды,
И увидел, словно в сладком сне, —
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
По проспекту шла навстречу мне.

Волосы налиты синим ядом,
Чёрная помада на губах.
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
Разожгла огонь в моих мечтах.

Как бы мне пройти с тобою рядом,
Как обнять за талию рукой?
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
Своровала тихий мой покой.

Счастье покатилося звездопадом
И любовь по венам растеклась.
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
Мимо, как маршрутка, пронеслась.

Словно запах яблочного сада

Я вдыхал духов твоих амбре.
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
Потопталась на моей судьбе.

Верю я, что ждёт меня награда,
Что любовь могу свою найти.
Девушка с отсутствующим взглядом,
Ой-да взглядом,
Снова попадётся на пути.

Вера не велит

На юных радостях давно
Большой замок висит:
Я мог бы бедокурить, но
Мне Вера не велит.

Друзья в субботу пьют вино,
Кальян давно забит.
И я бы с ними выпил, но
Мне Вера не велит.

С блядами в сауне грешно
Хранить суровый вид.
Я погрешить не против, но
Мне Вера не велит.

Винить религию смешно,
Не в том она строю.
Я Веру бы не слушал, но
Я Верочку люблю.

Незванные гости

Незванный гость – татарину икона,
Дюшесу виски, простокваше чай.
Тут главное – успеть свалить из дома,
А ты, жена, встречай и угощай.

Пляши вокруг стола и сковородок,
Журчи графином, миксером жужжи,
Выщипывай скелеты из селёдок
И напоказ подтачивай ножи.

Чуть-чуть стони – от горя и досады,
Что рай слегка нелёгок в шалаше,
А хочется в мальдивские закаты
Нырнуть в горячем женском неглиже.

На всех разлей, под сочную маслину
(изящный пальчик томно оттопырь),
И хряпните, тостуя за мужчину,
Что лучше, чем законный нетопырь.

А там – куда вас вывезет кривая, —
Хоть в Белый дом, хоть в Заполярный круг...
Незванными гостями, дорогая,
Я величаю всех твоих подруг.

Пахнешь

Ты каждый день, с самой ранней минуты,
Пахнешь теплом, добротой и уютом,
Солнечным утром, кофе и мятой,
Чистой посудой, одеждой опрятной,
Нежной улыбкой, пристальным взглядом
И, иногда, поучительным ядом.

Пахнешь умом, исключительно взрослым,
Пахнешь характером, часто несносным,
Пахнешь – вот выговорить попробуй —
Этой... ну, как её... гинкго билобой.

Мудростью пахнешь гражданки Минервы,
Пахнешь спокойствием с нотками нервов,
Пахнешь, бывает, угрозой здоровью,
Женщиной пахнешь, женой и любовью.

Вечером я, заявляясь с работы,
Пахну дорогой, носками и потом,
Холодом, ветром и ранним закатом,
Грустью усталой, начальника матом,
Серыми стенами, ламповым светом,
Недосыпанием, стылым обедом,
Тёмным подъездом, привычным маршрутом,
Пылью дорожной, асфальтом, мазутом,
Грубой щетиной, седыми висками
Кружечкой пива (одной, с мужиками).

Пахну, чуть-чуть, ипотекой и стрессом...
В общем, всё это не интересно.

Через минуту – уют и покой.
Я буду пахнуть только тобой.

«Сколь криво разделился между нами...»

Сколь криво разделился между нами
Семейно-относительный баланс:
Твоя любовь – с мешками под глазами
В моё лицо неслышно пробралась.
Осела в постоянном недосыпе,
Растаяла в работе на износ,
Пустила корни в злом простудном хрипе
И седине на кончиках колос.

Моя любовь тебя преобразила
Немного в направлении ином:
На плечи горностая положила
И угощает импортным вином.
Бликует в отражении айфона,
Искрится на капоте «БМВ»
И тонкими оттенками «Ланкома»
Наводит марафет на голове.

Не то чтобы я слишком испугался
За свой слегка заснувший шовинизм,
Но чую – как-то малость заебался
Мой щедрый не по меркам организм.
Пусть гордому носителю тестикул

Негоже плакать о таких делах,
Но гоже прописать себе каникул
На тёплых и безлюдных островах.

«Как рана боевая...»

Как рана боевая
На теле проступила,
Как первая стигмата
В Рождественский мотив:
Подруга боевая
За жопу укусила,
Искусство акробата
В постели проявив.

Уж как мы ни вертелись,
Уж как мы ни вращались —
По часовой и против,
Без капельки стыда.
Изрядно разогрелись,
Прилично извращались,
Пока вдруг не случилась
Такая ерунда.

Теперь лежит родная
Под тёплым одеялом,
Космически довольна,
Вполголоса храпит.
Её я обнимаю,
В бездействии усталом,
И на душе спокойно...

Лишь задница болит.

Самое лучшее

В нашем браке я смог почерпнуть только самое лучшее,
Единение душ не проходит совсем без следа:
Я впитал твою страсть и твоё настроение жгучее,
Что приходит остыть в зыбкой тени бывшего стыда.

Я успел перенять у тебя ощущение вечного,
Что укрыто в безмолвных страданиях древних картин,
В тонкой фиговой кляксе на чреслах Давида беспечного
И слепых паутинах на фресках Помпейских руин.

Я сожрал твою гордость под острой подливкой
наивности,
Злую честность в словах под испугом ответа всерьёз,
Я вдохнул твою веру в нетленность прошедшей
взаимности
И умение прятать беду за отсутствием слёз.

А ещё, укрываясь за подписей тонкими нитями
В документах слепых, что расставили точки над «і»,
Я оставил себе нашу двушку и Опель родителей...
В общем, лучшее из накоплений погибшей семьи.

«Ни прощения нам, ни пощады...»

Ни прощения нам, ни пощады:
Наши руки по локоть в любви.
За предательство Райского сада
Прокляни нас...
И благослови.

Ну подумаешь – яблоко съели,
Проигнорив табличку «Не сметь!».
Просто мы по весне прихуели,
Да и было с чего прихуеть.

Просто вдруг заплясали гормоны,
По усам и трусам потекло,
И ненужными стали Законы,
И выиграло Познания Зло.

Мы сбежали, от страсти хмелея,
Мы пошли от беспутства ко дну,
И случайно подставили Змея,
На него опрокинув вину.

Отречёмся от старого Рая,
Отряхнём его прах... А потом,
Будем жить, без любви умирая.
Нас не жаль.

Наплевать.

Поделом.

На ты

То, что у нас воспитание – выше тибетских гор,
То, что на уровне с ним эрудиция и интеллект,
Мы распознали немедленно. Нам подмигнул светофор,
Мы подхватили друг друга под ручку,
И перешли проспект.

То, что мохито вкуснее классического «ерша»,
Стало понятно с последним его глотком.
Чопорно вытерли губы, салфеточками шурша,
В счёт положили то, что пойдёт на чай,
И перешли на ром.

То, что в такси непременно обязан звучать Шопен,
А для инструкции к лифту бездарно составлен текст,
Не вызывало сомнений, как наш обоюдный крен
В комнату, где мы лишили себя одежд,
И перешли на секс.

То, что у нас двое в школе, а младшенький – крепким сном,
То, что закончились планы и даже сбылись мечты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.